

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ С. И. ВАВИЛОВА «О ДОСТОИНСТВЕ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО» (1947 г.)

Послевоенный период был трудным в истории отечественной науки. Пожалуй, не было ни одной области науки, не испытавшей на себе мощного идеологического давления. Деятельность научных коллективов осложнялась обстоятельствами, не зависящими от них и заставлявшими обращаться к сюжетам, не имевшим отношения к непосредственной работе. Наступление шаг за шагом на «буржуазную идеологию», нанесение удара за ударом по «пережиткам капитализма» (постановления 1946 г. по идеологическим вопросам, разгром философов, биологов и др.) вели к обескровливанию науки, отрыву ее от мировой культуры, к деформациям в освещении и интерпретации исторического прошлого, к ложным понятиям, оценкам, выводам, к искаженным человеческим судьбам.

Среди различных способов «укрощения» и «воспитания» интеллигенции особое место занимают так называемые суды чести, возникшие по постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 г. и существовавшие до конца 1949 г. [1, с. 135]. Первоначально предписывалось организовать суды в Министерстве здравоохранения, Министерстве торговли и Министерстве финансов, чтобы «бороться с поступками, роняющими честь и достоинство советского работника», если они «не подлежат наказанию в уголовном порядке». Позже суды чести получили повсеместное распространение вплоть до аппарата ЦК ВКП(б).

Суды чести боролись с поступками «антинародными», «вредными для Родины», ведущими к разглашению результатов научных исследований, которые могли быть использованы иностранными государствами в борьбе против СССР. Аморальной объявлялась публикация научных исследований в иностранной прессе. Суды избирались сроком на один год в составе пяти-семи человек и могли объявлять меры наказания: общественное порицание, общественный выговор, передачу дела следственным органам. Решения обжалованию не подлежали.

В течение первых же месяцев после принятия постановления (суды чести были избраны в 82 министерствах и ведомствах) прошло несколько процессов. Самым «шумным» было дело микробиолога и иммунолога, члена-корреспондента Академии медицинских наук Н. Г. Ключевой и гистолога-биолога, профессора, заведующего кафедрой гистологии Московского университета Г. И. Роскина — авторов книги «Биотерапия злокачественных опухолей» (М., 1946), которая была отмечена прессой как «величайшее достижение советской науки» в борьбе с раковыми заболеваниями [2]. Однако неудавшаяся попытка авторов издать свою книгу и в США привела их на скамью подсудимых суда чести, к обвинениям в «антипатриотичности», «продажности» и т. д. Для проведения процесса, состоявшегося 5—7 июня 1947 г., было выбрано помещение одного из московских театров, где все напоминало настоящий суд: председатель, народные заседатели, обвинитель. И хотя подсудимым был вынесен только общественный выговор, последствия суда были суровыми: арестованный академик АМН В. В. Парин, содействовавший предполагаемому изданию книги за границей, осужден на 10 лет лишения свободы, снят с работы министр здравоохранения СССР Г. А. Митерев (подробнее см. [3]).

Принятый Президиумом Верховного Совета СССР указ «Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, содержащих тайну» и постановление Совета Министров СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону» позволяли сурово осуждать в судах чести нарушителей с привлечением научной общественности, а затем карать в соответствии с указом.

Осенью 1947 г. многие учреждения, руководствуясь закрытым письмом ЦК ВКП(б) по делу Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина, принимали решения, осуждавшие «потерявших чувство чести, гражданского долга и национального достоинства» ученых, одобряли создание судов чести, «представляющих собой новую форму воспитания советской интеллигенции». 21 октября 1947 г. состоялись выборы суда чести в Академии наук СССР. С докладом на этом собрании выступил президент АН СССР С. И. Вавилов [4, д. 303].

Суд чести выбирало представительное собрание. Сохранившиеся списки участников с решаю-

шим голосом насчитывают около 1300 человек¹ [4, д. 92]. Среди них академики А. И. Абрикосов, Г. Ф. Александров, Б. А. Асафьев, И. Л. Бардин, С. Б. Веселовский, В. В. Виноградов, Б. Д. Греков, П. Л. Капица, М. Б. Митин, С. Г. Струмилин; члены-корреспонденты М. Н. Тихомиров, А. Н. Туполев, П. Н. Федосеев, И. М. Франк, А. И. Яковлев; научные сотрудники институтов М. В. Алпатов, А. И. Андреев, С. В. Арциховский, В. Ф. Асмус, С. В. Бахрушин, В. М. Жирмунский, В. Я. Кирпотин, А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин и др., многие из которых сами стали жертвами кампании борьбы с «низкопоклонством» и «космополитизмом».

В подготовленной заранее резолюции собрания [4, д. 303, л. 5—7] приветствовалось решение Совета Министров и ЦК ВКП(б) о создании судов чести, подчеркивалось «большое морально-политическое, культурное и государственное значение» их деятельности. Преклонение перед Западом, нанесшее огромный вред России в прошлом, ее культуре и науке, квалифицировалось как дурная болезнь «некоторых отсталых слоев нашей интеллигенции». И, считая создание судов чести своевременным и целесообразным, собрание должно было заверить вождя, учителя и друга советских ученых Сталина, что «весь коллектив Академии наук» выполнит его указания.

Приглашения на собрания были посланы почетным академикам И. В. Сталину и В. М. Молотову, фамилии которых в соответствующем алфавитном ряду фигурировали и в списках участников собрания.

На годичном собрании АН СССР 10 февраля 1948 г. отмечалось как одно из достижений прошедшего 1947 г. организация суда чести: «Общее собрание сотрудников Академии наук, посвященное избранию членов суда чести, прошло с большим политическим подъемом, свидетельствующим о глубоко патриотическом настроении ученых Академии наук, об их преданности социалистическому отечеству...» [6].

В институтах АН СССР проходили собрания, заседания ученых советов, обсуждавших одну тему — патриотический долг советских ученых. 15 марта 1948 г. подобное заседание состоялось в Институте истории. Академик С. Д. Сказкин в своем докладе воспроизвел почти дословно основные положения речи С. И. Вавилова [7].

С. И. Вавилов неоднократно выступал в прессе и по радио с речами о расцвете, задачах, путях развития и перспективах отечественной науки, о ее значении для культуры, о науке и молодежи, о связи науки с практикой, о народной науке и долге научных работников. Материалы этих выступлений хранятся в его архиве. Среди них — машинописный текст статьи, предназначенный для «Вестника Академии наук» и представляющий отредактированный вариант речи С. И. Вавилова на выборах суда чести. В статье изъяты все места, касающиеся выборов, почти нет указаний на конкретных лиц, и слабый отзвук о происходивших 21 октября 1947 г. событиях остался лишь в названии — «О чести советского ученого» [8, д. 178]. Текст полностью подготовлен к печати, но опубликован не был. 23 октября 1947 г. открылось Общее собрание Академии наук, посвященное 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Прославление успехов «науки сталинской эпохи» на некоторое время отодвинуло мероприятия по борьбе с «вредными пережитками» в сознании советской интеллигенции.

Материалы собрания 21 октября 1947 г. не сохранились. Они были изъяты из протоколов общих собраний АН СССР за 1947 г. Вместо них имеется пояснительная записка: «Протокол сессии общего собрания АН СССР, посвященный выборам суда чести (21.X.47 г.), в архив не сдавался. Сессия проводилась партийной организацией, и протокол находится, по-видимому, в делах парторганизации» [9]. В архиве МК и МГК КПСС этот протокол пока не обнаружен. Сведений о судах чести нет и в современной периодике. Скупы на этот счет и воспоминания. Печально знаменитая пьеса А. И. Штейна «Закон чести» отразила образцово-показательную модель суда. В мае 1948 г. состоялась ее премьера в Московском театре драмы, где лучшие актеры столицы Л. Свердлин, Е. Самойлов, М. Штраух, Ф. Раневская убеждали зрителя «не раболепствовать и не кланяться перед заграницей» [10].

Текст речи Вавилова на выборах суда чести АН СССР 21 октября 1947 г. публикуется по машинописному экземпляру, хранящемуся в архиве С. И. Вавилова [8, д. 169]. Это 20 листов машинописного текста, правленного чернилами и карандашом рукой С. И. Вавилова. На первом листе надпись: «1 экз[емпляр] срочно». Текст не подписан. Авторство Вавилова подтверждается его

¹ По данным на 1 января 1947 г., в АН СССР состояло 3 почетных академика, 164 академика, 269 членов-корреспондентов, свыше 12 тыс. научных, технических и других сотрудников [5, с. 133].

выступлениями, текстуально совпадающими с данным документом. О том, что многочисленные публичные выступления он «составлял всегда сам» [11, с. 147], свидетельствуют его сотрудники.

Документ воспроизводится полностью, с соблюдением правил современной орфографии. Мелкие исправления и вставки, а также редакционно-стилистические изменения не оговариваются. Вычеркнутый автором текст, имеющий существенное смысловое значение, восстановлен и заключен в квадратные скобки.

Список литературы

1. Мурин Ю. Суды чести // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11.
2. Струков А. Выдающееся открытие советской науки // Культуре и жизнь. 1947. 11 марта; Вестн. высшей школы. 1947. № 3. С. 48—51; Московский университет. 1947. 27 мая.
3. Рапопорт Я. Дело «Кр» // Наука и жизнь. 1988. № 1. С. 101—110; Архив АН СССР. Ф. 1640. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
4. Архив АН СССР (ААН СССР). Ф. 2. Оп. 1. 1947 г.
5. Вестник Академии наук. 1947. № 12.
6. ААН СССР. Ф. 2. Оп. 7. Д. 19. Л. 13.
7. Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 175.
8. Там же. Ф. 596. Оп. 1.
9. Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 118.
10. Абрамов А. «Закон чести»: Премьера Московского театра драмы // Вечерняя Москва. 1948. 28 мая.
11. Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 2-е изд. М., 1981. С. 147.

ВАВИЛОВ С. И.

О ДОСТОИНСТВЕ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО. РЕЧЬ НА ВЫБОРАХ СУДА ЧЕСТИ АН СССР 21 ОКТЯБРЯ 1947 г.

Советское государство [празднующее в эти дни свое 30-летие] сложилось в итоге огромной неустанной работы всего народа под руководством партии и правительства. Развитие его все время сопровождалось неустанной борьбой с многообразными попытками подорвать, скомпрометировать великую задачу социалистического строительства, разрушить достигнутое. Сначала пришлось бороться с открытым врагом — белогвардейцами и интервентами. После окончательного краха белогвардейских генералов и ликвидации походов интервентов враг перешел в подполье. Началась эпоха заговоров, вредительства на основных участках советской работы. Эта подпольная война велась как внутренними классовыми врагами, так и зарубежными их капиталистическими союзниками. Непоколебимый патриотизм народа и его бдительность дали возможность справиться и с этими попытками подорвать Советский Союз. Капиталистический мир, воплощенный в новой форме фашизма, перешел снова к открытым формам борьбы. Сначала японские фашисты пытались вторгнуться в советские пределы, но были наголову разгромлены. Затем в 1941 году громадная гитлеровская военная машина была вероломно направлена фашистами в наши пределы, и началась напряженнейшая борьба со страшным врагом. Но и этот враг оказался раздавленным. Великая Отечественная война закончилась славной победой советского оружия.

Однако нет сомнения, что одержанная победа все еще не окончательно обезопасила нашу страну от темных сил мировой реакции, пытающихся разрушить Советское государство. Капиталистический мир по-прежнему ищет путей к этому, снова мечтает о ликвидации завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. [Надо быть настороже и готовиться к новому возможному нападению на Советские пределы.

Нет сомнения, что враг еще до открытой войны будет стремиться всеми способами нанести вред развитию Советского государства, и органам Государственной безопасности предстоит длительная и сложная борьба с этими попытками].

Поэтому по-прежнему громадное значение имеет преданность советских людей своему государству, его интересам. Необходимо ясное сознание морального, патриотического долга каждым советским человеком. Нарушение этого долга, выражающееся иногда в формах, не учитываемых обычными юридическими нормами, должны встречать резкий протест и осуждение советской общественности. [Имея это в виду, Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) в своем постановлении

от 28 марта 1947 г. нашли необходимым создать в центральных ведомствах особые суды чести. Назначение судов чести — содействовать делу воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства. Необходимо стремиться к развитию широкого сознания государственного и общественного долга, к борьбе с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника, советского ученого. Суды чести — общественная организация, давно существовавшая в армии в виде офицерских судов чести. Подобно тому как у каждого офицера Советской Армии должны быть высоко развиты понятие и чувство чести советского офицера, так и для каждого советского человека естественно и свойственно понятие и чувство чести советского гражданина.

В настоящем большом собрании представлены ученые, работающие в Академии наук СССР в различных областях знания]. К советской интеллигенции в целом и в частности к ученым наша страна предъявляет особые требования в этом отношении.

С самых первых месяцев существования Советского государства началось преобразование и расширение понятия об ученом. Советский ученый — это не только специалист в той или иной области науки и техники. Это прежде всего сознательный советский гражданин, понимающий, что вся его работа теснейшим образом связана со всей культурой и политическим развитием его родины на новых путях советского общества. Непосредственная причастность к делу культурного строительства в стране требует от ученого повышенного сознания его долга перед Родиной. Вместе с тем советскому ученому должна быть особенно ясной исключительная важность научной работы для дальнейшего развития Советского Союза.

Высокий уровень науки и техники — это условие прочности и дальнейшего роста Советской страны, советская наука во многом позволила преодолеть громадные препятствия перед страной на пути создания социалистического общества и способствовала успешности военной борьбы Советской Армии с фашизмом. Но еще большие задачи встают перед наукой в ближайшем будущем. Наша наука должна всемерно помочь ускорению развития Советского государства на путях к коммунизму, наука должна всемерно помочь увеличению благосостояния советских людей, она обязана всемерно помочь укреплению нашей военной мощи [должна, по слову великого Сталина, превзойти достижения зарубежной науки]. В этих условиях особое значение приобретает патриотизм и понимание своего долга советскими учеными.

[Враги скрытые и явные чрезвычайно заинтересовались состоянием нашей науки. Они хотят знать, что достигнуто нами, к чему мы стремимся, чего мы еще не знаем и не умеем. На этих сведениях строятся их планы. Вот почему во многих случаях сообщение данных о состоянии нашей науки, о наших достижениях за границей может нанести несомненный вред Советскому Союзу. В этом отношении надо быть бдительным и осторожным. Все вы слышали о деле профессоров Ключевой и Роскина, разбиравшемся на суде чести Министерства здравоохранения СССР. Из материалов суда видно, что ученые Ключева и Роскин передали в США важное открытие советской науки, новый препарат для лечения рака, находившийся еще в состоянии изучения и проверки в СССР. Руководствуясь соображениями личного прославления за границей, они не устояли перед домогательствами американских разведчиков и передали в Америку научное открытие, являющееся собственностью советского государства. Перед нами пример явного отклонения от моральной обязанности советского ученого, который должен помнить прежде всего об интересах своей родины, своего народа.

Другой пример относится к деятельности работников Арктического научно-исследовательского института Главсевморпути: т. Буйницкого — директора института — и директора Московского филиала института т. Марголина. Оба они были привлечены к суду чести за разглашение данных об исследованиях и научных открытиях в Арктике путем публикации в открытой печати материалов, составляющих государственную тайну. А. Б. Марголин в несекретном справочнике по организации деятельности Главсевморпути опубликовал совершенно секретные сведения о Советской Арктике, о расположении портов, их вооруженности, о составе ледокольного и транспортного флотов и т. п.

6 октября с. г. закончился суд чести Главного управления Гидрометеослужбы при Совете Министров СССР по делу бывшего начальника Главного управления, члена-корреспондента нашей академии Е. К. Федорова. Суд чести установил, что в результате политической беспечности Е. К. Федорова и при его попустительстве английская и американская разведки получили исчерпывающие сведения о состоянии и перспективах развития Гидрометеослужбы СССР, многих важных научных работах, отмеченных как работы секретные или для служебного пользования.

Во всех указанных случаях дело шло о нарушениях установленных, вполне определенных правил в отношении хранения секретных и не подлежащих оглашению материалов. Еще чаще такие случаи, когда ограничительных правил нет или их трудно заранее разработать и когда вопрос должен решиться на основании политической чуткости, бдительности, осторожности и патриотизма самого ученого. Приведу один пример. Не особенно давно работники Института мерзлотоведения АН СССР приводили в качестве важного аргумента, говорящего о значении работ, выполняемых в институте, тот факт, что советские исследования по мерзлотоведению широко использованы в Соединенных Штатах Америки, некоторые статьи полностью переведены, другие подробно разобраны, а в американской специальной прессе, военной и инженерной, вниманию американских специалистов рекомендуются советские работы по мерзлотоведению. Институту мерзлотоведения, однако, едва ли следовало радоваться такой популярности его работ в американской армии. В статье полковника Барнеса, опубликованной в журнале «Милитари инженер» за 1946 г., мы читаем: «Инженеры армии Соединенных Штатов особенно заинтересованы районами с вечной мерзлотой в Северной Канаде и Аляске, вдоль автостреды Аляски, где у нас имеются аэродромы, здания, коммунальные сооружения и где запланировано дальнейшее строительство». Я нисколько не сомневаюсь в доброй воле наших мерзлотоведов, однако несомненно, что, любезно сообщая свои работы в Соединенные Штаты Америки, они фактически помогали укреплению возможного военного плацдарма США как базы для нападения на СССР.

Нужна сугубая осторожность в настоящее время при сообщении научных результатов за границу, а также при демонстрации институтов и отдельных установок лицам, приезжающим из-за границы. Это далеко не всегда соблюдается. Сотрудник Института цитологии, гистологии и эмбриологии профессор М. А. Пешков без ведома дирекции института показывал свою лабораторию двум американским профессорам — Мэд и Лесли, известным по делу Ключевой и Роскина и подозреваемым в шпионаже. В статье Стоайта Мэд и Эмили Мэд, помещенной в июльском номере журнала «American Scientist», авторы подчеркивают, что как раз визит в лабораторию проф. Пешкова был особенно плодотворным для одного из авторов в соответствии с его специальностью. Зачастую работники Академии наук, преследуя личные интересы, посылают свои статьи за границу для печатания в заграничных научных журналах без ведома дирекции института. Например, тот же профессор Пешков послал за границу одну из своих статей, не согласовав это с директором института. Также без ведома председателя секции по научной разработке проблем водного хозяйства проф. В. В. Ведерников пытался переслать свою статью для напечатания в иностранном издании.]

Еще существующее стремление обязательно публиковать свои работы в заграничных журналах есть одно из проявлений еще распространенного в среде наших ученых крайне прискорбного низкопоклонства перед заграничной наукой.

Такое низкопоклонство — давнее явление, перешедшее к нам с дореволюционных времен и являющееся наследием царской России. Еще Грибоедов говорил о французице из Бордо, «собравшем вокруг себя род веча» — веча из москвичей, внимавшим изречениям француза. И если великие корифеи русской науки — Ломоносов и Менделеев — решительно боролись против постоянной оглядки на Запад, на мнение заграницы в области науки, то немало было русских ученых, во многих случаях повинных в этом грехе. Наша академия в XIX веке печатала многие свои периодические и непериодические издания только на немецком языке. [Есть такие же тенденции и теперь у наших астрономов, желающих печататься только на английском языке.] Мнение заграничных журналов считалось решающим для суждения о значении научных работ.

Советские ученые в ряде случаев унаследовали эту худую привычку. В отзывах всякого рода слова «широко известен за границей» стали трафаретом для характеристики высокого качества ученого или работы. Забывался при этом простой секрет. В большинстве случаев эта так называемая «широкая известность» определялась тем, печатал ли автор статьи за границей или нет; если печатал, то статьи цитировались в иностранной печати и реферировались в соответственных изданиях. Печататься же границей было нетрудно. В большинстве случаев, как говорится, «была б к тому охота». Случалось так, что работы, не принятые в советские журналы для напечатания вследствие их ошибочности, посылались в крупные заграничные журналы и там печатались. Автор становился «широко известным за границей». Чтобы не остаться голословным, приведу один конкретный пример. Лет 15 тому назад в Ленинграде профессор Яцина, имея явно ошибочные воззрения в области термодинамики, много раз пытался опубликовать свои статьи в советских физических журналах. Статьи возвращались автору обратно. В итоге очень большое число таких статей было опубликовано в известном немецком журнале «Zeitschrift für Physik».

Тенденция печататься обязательно в иностранных изданиях не оправдывалась ничем, кроме [низкопоклонства и] желания приобрести реноме или, по-русски, прославиться за границей. В самом деле, авторский приоритет обеспечивался своевременной публикацией в советских журналах, тем более что советские журналы во многих случаях реферируются в соответствующих иностранных изданиях. [Желание публиковать свои статьи в распространенных иностранных журналах мотивировалось обыкновенно тем, что эти журналы — лучший рупор для широкого оповещения о полученных результатах. Рассуждавшие, забывали, что не журнал красил работу, а качество работы должно было украшать журнал. Печатаемая наиболее важные результаты за границей, наши ученые тем самым автоматически обрекали на малую распространенность наши собственные журналы. Зачем иностранцам обращаться к советским журналам, если советские ученые сами позаботятся о публикации важного материала за границей? Нет оснований.] Особенно же заботиться об иностранцах у нас нет оснований. В случае надобности иностранный ученый и иностранные учреждения умеют добывать и читать наши журналы. Я вспоминаю, что перед войной очень специальный журнал «Оптико-механическая промышленность», о котором в самом Советском Союзе знали немногие, имел, однако, довольно значительное количество иностранных подписчиков. Дело в том, что в этом журнале публиковалось много ценных сведений о состоянии советской оптики, о новых технических результатах. [Случай с трудами Института мерзлотоведения я уже приводил, он относится к той же категории.]

Преклонение перед авторитетом западной науки принимает иногда недопустимые формы. В 1936 году на мартовской сессии Академии происходила обширная дискуссия по вопросам физики. На этой дискуссии по докладу академика А. Ф. Иоффе один научный работник выступил [профессор (ныне академик) Л. Д. Ландау] с утверждением [что вообще советская физика по своему качеству очень невысока и], что советские работы не пользуются доверием Запада. Мне тогда пришлось выступить по этому вопросу и заявить, как явствует из напечатанной стенограммы, что я совершенно не могу разделить эту точку зрения. Я выразил уверенность, что весьма большой ряд несомненно блестящих, первоклассных работ по физике, вышедших за годы революции, сломит недоверие заграницы. Я закончил свое выступление тогда следующими словами: «Да и существенно ли оно, это недоверие? Надо научиться самим быть собственными строгими судьями». Теперь я могу только повторить те же слова. [Я надеюсь, что за прошедшие 11 лет Л. Д. Ландау изменил свое тогдашнее положение п[отому] ч[то] многие результаты, достигнутые нашими физиками (в том числе и собственные работы Л. Д. Ландау), давно дали советским физикам равноправие с западноевропейскими и американскими физиками. Приведу другой пример, имевший место несколько месяцев тому назад на заседании ученого совета Московского университета по вопросу об обследовании деятельности физического факультета МГУ. На этом заседании выступил профессор Власов, молодой, талантливый теоретик с весьма странной речью, в которой он поносил резкими словами многих советских физиков, отрицательно отзывавшихся о его исследованиях, и противопоставил советским физикам в качестве непререкаемого авторитета мнение известного теоретика Макса Борна, довольно положительно отзывавшегося о концепции Власова. Следует заметить, что советские физики, критиковавшие Власова, именно академики Леонтович, Фок, Ландау и профессор Гинзбург, очень обстоятельно разбирали работы Власова, опубликовав соответственно большую статью. Мнение Борна высказано мимоходом в короткой статье, помещенной в английском журнале «Нейчур». Недовольный критикой профессор Власов счел возможным поставить под сомнение значительную часть советской теоретической физики и противопоставить ей изолированное мнение Борна. Я не берусь судить, прав или нет профессор Власов по научному существу его работы. Меня однако, поразило и обидело его пренебрежительно огульное обобщенное отношение к советским физикам — теоретикам.] Чрезмерное, во многих случаях явно необоснованное особое внимание и уважение к цитатам в иностранных журналах — очень распространенная и скверная болезнь, также происходящая из преувеличенной оценки иностранных авторитетов, только потому что они иностранцы. Страдают этой «болезнью» и молодые советские ученые, иногда пытающиеся противопоставить мимоходом брошенную одобрительную фразу иностранца подробной критике большой группы наших специалистов. Остается коллекционирование иностранных цитат, используемое для саморекламы. Все это в корне противоречит духу и особенностям советской науки и этому надо дать самую резкую отповедь [вплоть до привлечения к суду чести].

Самобичевание меньше всего пристало советской науке и советскому ученому. Низкопоклонство перед заграницей приводило и приводит к очень печальным последствиям, [таким последствиям, которых обычно сами преклоняющиеся перед западной наукой не ожидают. Итог низкопоклон-

ства — очень часто унижительное, снисходительное и даже пренебрежительное отношение за границей к советской науке. В 1937 году в СССР был американский физик Бойс, посетивший некоторые физические лаборатории в Москве и, по-видимому, в Харькове, где он получил некоторую информацию. Этот физик, вернувшись на родину, опубликовал в американском физическом журнале небольшую статью, занимающую всего одну страницу. Покровительственно и снисходительно относясь к советской физике, Бойс в пределах этой страницы все же успевает указать на то, что из советских лабораторий выходит весьма значительное число средних или даже очень плохих работ и призывает к дискриминации русской научной литературы в ближайшее время. У этого американца хватило самоуверенности не оглянуться на собственную американскую научную продукцию, заполняемую слабыми и средними работами в значительно большей степени, чем это случается в советских журналах.]

В английском популярном журнале «Дисковери» некий Фридвальд опубликовал в 1946 году статью под заглавием «Наука и политическая сила». В этой статье автор старается установить не более не менее, чем количественные законы развития науки, иллюстрируемые кривыми. Материалом для этой математики для Фридвальда служат известные научные нобелевские премии. Автор подсчитывает, сколько нобелевских премий получили те или иные страны и национальности за время существования этой премии, т. е. за 45 лет. Оказывается, что среди 141 нобелевского лауреата насчитывается всего двое русских — Иван Петрович Павлов и Илья Ильич Мечников. На этом основании делаются весьма грустные выводы о состоянии нашей науки, [и автор утешает только вероятным научным блестящим будущим СССР. И статья Фридвальда, и сами нобелевские премии между тем, яркий пример пренебрежительного отношения за границей к науке нашей Родины.] Между тем если мы взглянем в списки нобелевских лауреатов, то заметим, что среди лауреатов нет одного из величайших химиков всех времен — Дмитрия Ивановича Менделеева, нет самого замечательного экспериментатора мира первых двух десятилетий нашего века — Петра Николаевича Лебедева. Премия за открытие радио присуждена Брауну и Маркони, а А. С. Попов, действительный автор радио с антенной, отсутствует. В 1930 году премия за открытие комбинационного рассеяния света присуждена индусскому физiku Раману. Между тем точно установлено, признано и хорошо известно во всех странах мира, что одновременно с Раманом и совершенно независимо от него это же явление открыто в Москве академиками Мандельштамом и Ландсбергом. Они не числятся среди лауреатов. Премии не получили замечательные русские физиологи Тимирязев и Цвет, открывшие изумительный новый метод анализа растворов сложных органических молекул (так называемый хроматографический метод), которым сейчас пользуется весь мир. Из этого краткого, далеко не полного списка обойденных наших ученых совершенно ясно, что Нобелевский комитет намеренно обходил нашу науку, основываясь, разумеется, на ничем не обоснованном пренебрежительном к ней отношении, выросшем в результате нашего собственного низкопоклонства.

Недавно я, как и многие другие советские ученые, получил от Нобелевского комитета предложение высказаться о желательных кандидатах в нобелевские лауреаты на 1948 год. Соответствующее обращение Нобелевского комитета, датированное 1 сентября 1947 года, напечатано на четырех языках: шведском, французском, немецком, английском. Шведы [очевидно] достаточно хорошо знают русский язык, во всяком случае, на шведском тексте от руки секретаря комитета по-русски безошибочно написано: «академику С. И. Вавилову, Москва». Получение такого четырехязычного документа [с обойденным русским языком] в СССР после того, как наша армия и [весь] народ спасли весь мир, в том числе и Швецию, от угрозы владычества фашизма, не может рассматриваться иначе, как оскорбление по адресу нашей науки и культуры. У шведов и главарей Нобелевского комитета не хватило минимального такта при посылке материалов добавить пятую страницу на русском языке. [Необходимость доказывать равноправность русского языка на международных конгрессах с другими европейскими языками — еще одно из следствий распространенного у нас низкопоклонства перед западной наукой, к которому привыкли за долгие годы и от которого нам давно пора отвыкнуть.] Другим распространенным следствием низкопоклонства наших ученых является вызывающе высокомерное отношение к нашей науке в Западной Европе и Америке, были многочисленные случаи недобросовестного использования за границей наших научных достижений и наших публикаций.

В начале XIX века знаменитому Гемфри Деви был присвоен приоритет открытия угольной вольтовой дуги, несмотря на то что дуга была открыта в 1802 году в результате работ русских академиков Крафта и Петрова. Извещение об [открытии] явления вольтовой дуги на французском и немецком языках было разослано нашей Академией во все страны мира в 1804 году при объявлении премии

за работы о природе света. Следовательно, явление вольтовой дуги стало уже тогда общеизвестным. До сего времени, однако, вольтовая дуга в Западной Европе связывается с именем Деви. Хорошо известно присвоение поповского приоритета изобретения радио итальянским инженером Гульемо Маркони. Несомненно и документально установлен факт приоритета русского инженера Лодыгина в построении лампочки накаливания. Между тем осуществление первой лампочки накаливания всегда приписывается Эдисону. Были попытки в Германии присвоить менделеевское открытие системы элементов. В Америке пытались присвоить приоритет первого обнаружения и измерения светового давления, сделанного в Москве П. Н. Лебедевым.

Вероятно, очень многие из [присутствующих] наших ученых могут рассказать из своей практики многочисленные случаи недобросовестного использования своих работ за границей. Недавно один американский физик полностью приписал работу академика Фока, опубликовав ее под своим именем в американском журнале «Физикаль Ревью». [Подобные же случаи пришлось испытать и мне и моим сотрудникам], но разрешите мне не утомлять вас рассказами об этих эпизодах. Советская научная продукция во многих случаях третируется за границей. Видимо, до сих пор некоторые иностранные ученые пытаются рассматривать советскую научную продукцию как «ничью вещь» (*res nullius*), как некое сырье, которым можно распорядиться как угодно. Только вчера мне пришлось слышать по радио из Лондона неумеренную похвалу отражательному микроскопу, впервые осуществленному в Англии. При этом было сделано замечание, что нечто подобное делалось-де в СССР, но о дальнейших успехах мы не знаем. В действительности отражательный микроскоп был осуществлен еще 6 лет тому назад в Гос[ударственном] оптическом институте в Ленинграде и сведения об этом были опубликованы в английском журнале «Nature». Все [повторяю, что] эти возмутительные факты в конце концов сделались возможными только в результате чрезмерного низкопоклонства наших ученых перед заграничной наукой.

У нас еще не изжит отвратительный обычай признавать научную работу в полной мере только после ее апробации за границей. По этому поводу можно было бы привести бесконечную череду различных случаев. Я ограничусь очень немногими. Замечательные исследования по нелинейным колебаниям академиков Мандельштама, Папалекси, Крылова, Андропова и их учеников получили широкое признание у нас только после благожелательной оценки за границей в годы войны. Между тем дело шло об одном из самых важных научно-технических советских достижений. Весьма интересное новое оптическое явление, открытое молодым советским физиком П. А. Черенковым и состоящее в том, что при движении электронов со сверхсветовой скоростью в вещественной среде образуется видимый свет, получило действительное признание только после того, как опыты Черенкова были повторены в Соединенных Штатах. У нас же на эти опыты косились в течение ряда лет, не верили им, насмехались над ними и даже опровергали. [После американской статьи достигнуто было общее признание.]

Элементы подозрительности, недоверия к отечественной науке и иногда неумеренных восторгов перед заграничными достижениями перекинулись от научных кругов также в промышленность и технику. Хорошо известные у нас трудности внедрения научных результатов в практику во многих случаях связаны с [недоверием к своей науке и с] той постоянной оглядкой на Западную Европу и Америку.

Можно долго рассказывать о длинной череде случаев, когда внедрение в промышленность достижений советской науки и техники начиналось после того, как становилось известным появление подобного же устройства или технологии за границей. Нередко для наших инженеров и руководителей главков и заводов до сих пор именно в этом заключался главный критерий безошибочности и пользы предлагаемого дела.

Я думаю, что все [присутствующие] согласятся, что страна, давшая науке Ломоносова, Менделеева, Павлова, Лебедева, Федорова, Тимирязева, Мандельштама, Жуковского и очень многих других великих ученых, не заслужила к себе такого отношения. Наука Советского Союза давно уже находится на равных правах с науками наиболее передовых в области культуры стран. Эта наука не только хочет быть равной в научном соревновании стран мира, она стремится стать первой наукой в мире. И мы не сомневаемся, что она таковою будет.

Я говорил до сих пор о чести советского ученого в связи с отношением нашей науки к заграничной. Однако есть ряд вопросов, также прямо относящихся к чести советского ученого, но связанных с нами самими, с нашими научными коллективами и с их внутренними отношениями. Научный результат должен быть добросовестным. В советской стране научный результат нужен государству и в известном смысле есть собственность государства. Эти простые и очевидные истины

у нас, к сожалению, иногда забываются и нарушаются. Примерно 10 лет назад в Пулковской обсерватории работал аспирант-теоретик Воронов. Воронов опубликовал несколько исследований, посвященных расчету орбит малых планет. Результаты Воронова изумительно точно совпадали с данными астрономических наблюдений. [В итоге Воронов приобрел мировую известность.] Но одна сотрудница Пулковской обсерватории случайно обнаружила, что данные Воронова в действительности были подлогом. Не сообщая промежуточных расчетов, как будто бы вполне очевидных, Воронов подделывал формулы, подгоняя их к экспериментальным данным. После установления этого факта Пулковской обсерватории пришлось печатать конфузные извинительные письма в центральных астрономических журналах. Воронов опозорил Пулковскую обсерваторию, советскую науку, пытаясь для скорейшего получения ученой степени обмануть государство. Это было больше 10 лет тому назад. Но вот совсем новый факт, относящийся к той же группе преступлений. Докторант Института общей и неорганической химии АН СССР И. А. Маколкин [читаем мы в распоряжении президиума Академии наук от 16 апреля 1947 года] представил диссертацию на соискание ученой степени доктора химических наук. [Приглашенные в качестве оппонентов академик Ребиндер и чл[ен]-корр[еспондент] АН Бродский дали положительные отзывы о диссертации, но третий] оппонент, проф. Киреев, установил, что большинство данных опыта не является в действительности экспериментальными, а рассчитаны применительно к заранее заданному среднему значению. В дальнейшем выяснилось, что часть журнала лабораторных работ Маколкин уничтожил, а в представленной им тетради данные отдельных измерений не совпадают с данными, приведенными в диссертации. [Докторант Маколкин в своем заявлении от 2 апреля признал, что в его диссертации имеются основания для выводов, сделанных проф. Киреевым, и что в таком виде защищать диссертацию нельзя.]

В свое время президиум исключил Воронова из аспирантуры, в 1947 году президиум сделал то же самое в отношении Маколкина. По существующим законам подделка научной работы не составляет уголовного преступления, и, следовательно, президиум ничего, кроме увольнения, предпринять не мог.

Думаю, для всех ясно, что место для разбора подобных преступлений — суд чести.] Воронов и Маколкин грубейшим образом запятнали честь советского ученого, в сущности говоря, они сделали преступление перед советским народом.

Кадры советских ученых непрерывно растут. Но дело не только в числе. Наша обязанность обеспечить высокое качество научной работы молодых ученых. В ученых советах наших институтов происходят многочисленные защиты диссертаций на степень кандидата и доктора. Закон предусматривает тщательное рассмотрение диссертации и дает полную возможность правильно оценить ее качество. Между тем весьма распространенным, как говорят «бытовым», явлением стало весьма поверхностное отношение официальных оппонентов к поручаемому им делу, рассмотрению диссертаций. Несмотря на крупные имена оппонентов, казалось бы, обеспечивающие правильность научной оценки диссертации, в ряде случаев Высшей аттестационной комиссии приходится аннулировать решения ученых советов о присуждении степени кандидата или доктора. Несколько месяцев тому назад мне была передана на рассмотрение докторская диссертация [Текучева], успешно [им] защищенная на ученом совете Московского университета в годы эвакуации. Оппонентами выступали крупные специалисты [чл[ен]-корр[еспондент] академии Предводителей, чл[ен]-корр[еспондент] Конобеевский, профессор Капцов.] При внимательном чтении диссертации я обнаружил ряд мест, содержащих грубейшие ошибки, [недопустимые не только для будущего доктора, но даже и для студента первого курса]. Ошибки были не случайными, а имели принципиальное значение. Между тем оппоненты, очевидно, просматривая диссертацию очень поверхностно, проглядели их. Диспутанту [Текучеву] ученый совет присвоил степень доктора. Высшей аттестационной комиссии пришлось отменить это решение. Примеров подобного отношения к диссертациям в различных областях знаний Высшая аттестационная комиссия знает множество. Конечно, в таком отношении официальных оппонентов к диссертациям нет ничего намеренного и злого, но в результате небрежности наносится большой вред нашей науке. Ошибочно присужденная высокая ученая степень во многих случаях равносильна появлению лжеспециалиста на ответственном посту.

Мы снова встречаемся с областью, где уместно поставить вопрос о чести советского ученого. Пора нам воспитать в себе чувство строгой моральной ответственности за науку.

Я говорил [довольно много] уже о низкопоклонстве, обратная сторона низкопоклонства — это недостаток внимания, уважения к науке своей страны. Наши ученые с большим интересом читают и следят за иностранными научными журналами и книгами, обсуждают и оценивают новые

результаты работы иностранных ученых, но советские издания зачастую остаются нерассмотренными — без критики, без похвалы или [без] порицания. Хуже того, нередко априорно возносятся неумеренная хвала работе советского ученого или же выносятся неумеренное порицание без внимательного ознакомления с работой. У нас совершенно недостаточно практикуется анализ и критика нашей научной продукции. Умерив постоянное оглядывание на Запад, нам нужно усилить внимание к собственной нашей научной продукции, к ее качествам, к ее достоинствам, ее недостаткам.

У нас есть очень много путей, позволяющих особенно внимательно приглядеться к качеству советской научной продукции, к достижениям отдельных ученых. Ежегодное присуждение сталинских премий приносит громадную пользу в этом отношении. Отмечены тысячи старых и молодых ученых, инженеров, рабочих и колхозников, выделившихся важностью, качеством, остроумием в своей работе.

Наша академия, университеты и другие научные учреждения присуждают ежегодно большое число премий имени различных выдающихся ученых.

16 советских научных академий время от времени пополняют ряды своих членов, снова имея случаи и обязанности избрать лучших.

Пора в полной мере и с полной ответственностью применить объективные, глубокие способы оценки советских ученых и отдельных работ. До сих пор это делается не всегда должным образом. Упомяну, например, о явно ненормальном прохождении присуждения именных премий в Академии наук СССР. Конкурс иногда даже обращается в свою противоположность, так как на нем обсуждается одна-единственная работа. Приходится напомнить, что честь советских ученых не позволяет производить «конкурсы» подобного рода.

Советские ученые понимают, что сейчас, в годы после Великой Отечественной войны, наша наука вступила в новую, очень важную эпоху. Товарищ Сталин призвал советских ученых к тому, чтобы в ближайшее время превзойти в науке достижения зарубежных стран. Нам понятно, что этого требуют сейчас грандиозные социальные задачи, стоящие перед Советским Союзом. Вместе с тем за 30 лет своего роста и совершенствования советская наука достигла такого состояния, когда указанная задача может быть решена.

Для этого понадобятся новые десятки тысяч ученых, новые институты, новое громадное научное оборудование. Но этого недостаточно. Нужен энтузиазм в работе, советский ученый должен быть патриотом, любить свою страну, верить в свой народ и в его великое общее дело. У нашего ученого в высокой степени должно быть развито чувство чести порученной ему работы. [Учреждая суд чести, ученые Академии наук СССР помогут важной задаче воспитания патриотизма в членах нашего коллектива.]

Наша задача — помочь всеми силами Советскому Союзу в достижении великих целей, стоящих перед ним. На нас с доверием смотрит весь народ, правительство, партия, наш вождь и учитель товарищ Сталин.

*Текст к публикации подготовила
Л. Н. ПРОСТОВОЛОСОВА*